

онъ; каждый заботится прежде всего самъ о себѣ; это въ порядкѣ вещей и это вполне нормально. Идеалы будущаго... что за идеалы, когда жизнь такъ коротка и когда потомъ, рано или поздно, для всѣхъ наступитъ „non-existence“, какъ выражается дядя! Человѣкъ живетъ во времени и въ пространствѣ, и какое ему дѣло до того, что лежитъ за предѣлами его личнаго существованія? Умная баба была Помпадуръ, сказавшая: *après nous le déluge*. И еще умнѣе былъ Базаровъ, который сказалъ: „какое мнѣ дѣло до того, въ какой избѣ будетъ Федоръ жить, когда изъ меня лопухъ будетъ расти?“ Вотъ она, настоящая философія, въ которой кроется настоящій жизненный смыслъ. И правъ былъ знаменитый энциклопедистъ Дидро, сказавшій, что у человѣка есть одинъ долгъ—это быть счастливымъ. Вотъ истина; все остальное—болѣзненные фантазіи невропатовъ, съ ненормальной мозговой дѣятельностью, съ усиленнымъ приливомъ крови къ головѣ. И развѣ не всѣ эти люди, которыхъ невѣжественная и суевѣрная толпа возвела въ геніи, а наука называетъ маттоидами и психопатами,—не всѣ они кончали жизнь сумасшествіемъ, самоубійствомъ, если не хуже?..

Но тутъ нить мыслей Володи порвалась. Вдали заблѣлись колонны „зѣмка Монъ-Реаль“, какъ называлъ романическій батюшка домъ Полянскихъ, и Володя, усмѣхнувшись, проговорилъ: „однако я, чертъ возьми, замечтался.“ Эти слова возвратили его немедленно къ дѣйствительности. Онъ поправился на дрожкахъ, крѣпче подтянулъ возжи и, принявъ свой обычный сдержанный видъ, съ спокойной увѣренностью направилъ лошадь въ ворота усадьбы.

Въ домѣ царила томительная утренняя тишина. *Самого* не было; онъ уѣхалъ съ Гладкимъ въ поле; Жоржъ послѣ своего пораженія скитался по лѣсамъ, какъ Нейстовый Орландо; madame Полянская, по обыкновенію, хлопотала по хозяйству и только Агнеса, сидя въ одинокой залѣ, оглашала домъ лѣнивыми звуками немножко разстроеннаго рояля. Около нея на кушеткѣ, съ какою-то работой въ рукахъ, полу-лежала вдова. Обѣ дамы страшно томилась отъ жары и отъ скуки.

Появленіе Володи произвело немедленную реакцію въ сучавшихъ дамахъ. Послышались радостные ахи и охи, восклицанія, оживленные разспросы и рассказы. Фирсова вся заалѣла, словно піонъ и, спутавъ узоръ своей работы, бросила ее отъ себя на этажерку.

— Вы къ намъ на цѣлый день? — спросила она, обращая на Володю свои томные, добрые глаза.